

Alla Kozhinova*

Произведения белорусско-польско- литовских татар как гибридные тексты**

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/LC.2020.003>

Аннотация: Статья посвящена сравнению двух текстов белорусско-польско-литовских татар, созданных на польском языке в XVIII (текст из рукописи Р 97 – диалог между Давидом и Соломоном о передаче последнему волшебного перстня) и XIX (текст из рукописи Р 223 – глосса к аятам 250–252 второй суры Корана из тефсира XIX в., в которой речь идет о Давиде и Голиафе) вв., представленных в коллекции Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси. Автор статьи предпринимает попытку доказать, что данные тексты имели гибридный характер, основанный на стремлении их создателей ориентироваться на язык метрополии при одновременном включении в их структуру определенного количества регионализмов, происходящих из восточнославянских языков. В статье рассматривается влияние белорусского диалектного языка на фонетическом и грамматическом уровнях языковой системы. Сравнивая количество и характер заимствованных элементов, автор приходит к выводу о том, что отступление от польских языковых образцов могло увеличиваться с течением времени под влиянием падения престижности польского языка на территории Российской империи в XIX в.

Ключевые слова: белорусско-польско-литовские татары, гибридные тексты, польский язык

---

* Алла Кожина

Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета. Научные интересы: этнолингвистика, славянские тексты национальных меньшинств Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, славянские переводы Библии.

E-mail: kozhinster@gmail.com | ORCID: 0000-0002-5498-7037.

** Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного Национальной программой развития гуманитарных наук Польши (Narodowy Program Rozwoju Humanistyki Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego, 11 N 16031984; 2017–2021).

Works of Belarusian-Polish-Lithuanian Tatars as Hybrid Texts

Abstract: The article is devoted to a comparison of two texts of Belarusian-Polish-Lithuanian Tatars written in Polish in the 18th (text from manuscript P 97 – dialogue between David and Solomon about transferring the magic ring to the latter) and 19th (text from manuscript P 223 – Glossa to the verses 250–252 of the second surah of the Qu’ran from the tefsir of the 19th century, which deals with David and Goliath) centuries, represented in the collection of the Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus. The author of the article suggests the hybrid nature of these texts which manifests itself in the authors’ desire to rely on the metropolitan language when incorporating into the textual structure a certain number of regional elements introduced from the East Slavic languages. The article considers the influence of the Belarusian dialect language at the phonetic and grammatical levels of the language system. Comparing the number and nature of these elements the author comes to the conclusion that the deviation from Polish-language samples could increase in the course of time under the influence of the fall of the prestige of the Polish language in the territory of the Russian Empire in the 19th century.

Keywords: Belarusian-Lithuanian-Polish Tatars, hybrid texts, Polish language

1. Введение

1.1. Понятие гибридных текстов

Гибридные тексты отмечены в истории многих культурных сообществ, поэтому проблема их изучения представляется чрезвычайно важной для любой культуры. Так, Виктор Маркович Живов отмечал, что „и книжные, и некнижные тексты оказываются слишком разнородны по своим лингвистическим характеристикам, чтобы их можно было трактовать как противопоставленные друг другу единства” (Żywow 1996: 1), предлагая выделять в рамках книжного языка регистр стандартных и гибридных текстов. Гибридный текст создается исходя из языковых возможностей того или иного носителя языка с ориентацией на некоторый известный ему книжный идеал. Соответственно, языковая структура подобного текста будет как отражать идиолект его создателя, так и включать элементы того книжного образца, на который этот создатель ориентировался.

Особенно актуальной данная проблема представляется для социумов, по определению находящихся на пересечении культурных традиций. О создании гибридных текстов можно говорить в отношении, например, львовских армян, которые после подписания унии между армянской апостольской и католической церквями все активнее

стали переходить на польский язык, или иудеев, проживавших на территории Великого княжества Литовского и, вследствие этого, переводивших ветхозаветные тексты на „простую мову”, литературный язык ВКЛ, «противостоящий церковнославянскому языку» (Uspienskiĵ 2002: 388). Безусловно, к числу подобных социумов принадлежат и белорусско-польско-литовские татары.

1.2. Белорусско-польско-литовские татары и тексты, ими создаваемые

Известно, что данная этническая группа, которая проживает в настоящее время на территории современных Литвы, Беларуси и Польши, сложилась в XIV–XVI вв. на основе эмиграции из Золотой Орды на территорию Великого княжества Литовского. Первоначально татары селились возле Вильно, Ковно, Гродно, Тракая. Позднее, начиная с XVII в., часть из них переместилась на территорию Короны. Спасаящиеся от ордынских междоусобиц татары, принадлежат в большинстве своем к военной верхушке, охотно принимались на княжескую службу и наделялись землей. Они также получали различные привилегии, которые позволяли им сохранять некоторую автономию и исповедовать свою религию. В XV в. число татар пополнялось также за счет военнопленных, а последняя волна татарской эмиграции относится, как считается, к началу XVI в.

Известно, что тюркские языки татарских переселенцев довольно быстро стали выходить из употребления. Этому способствовало много факторов как внутри- так и внеязыкового характера. К первым относится отсутствие интердиалекта, общего для всех татар, своего рода койне, на котором могла бы осуществляться коммуникация внутри группы и выполняться религиозные обряды – в XIV – XV вв. большая часть мигрантов принадлежала к кыпчацкой языковой группе, а в XVI – XVII вв. прибывают татары, находящиеся под османско-турецким языковым влиянием (Miřkiniene 2005, 44). Ислам, сакральное объединяющее начало, обслуживался арабским, непонятным для татар, незнакомых с его диалектными бытовыми разновидностями. Ко внеязыковым факторам разрушения национальной идентичности относят смешанные браки татар с представительницами местного населения, их социальную разнородность (верхушка, близкая к польской шляхты, служилые татары, городские жители) и немногочисленность.

Коммуникация в татарской среде осуществлялась на языках новой родины – польском и белорусском, чаще в их диалектной разновидности. Произведения на этих языках при создании различного рода книг (китабов) фиксировались средствами арабского алфавита. Соответственно, подобные тексты можно определить как гибридные, ср.: „Язык китабов по определению отличался от разговорного языка пользователей. Он не представлял собой отдельной системы, отличало его большое количество гибридных форм” (Drozd 2000: 20).

Известно, что в арабографических текстах XVIII–XX вв. доминирует польский язык (Miřkiniene 2012: 139), однако даже в границах данного периода трудно говорить о польском языке метрополии, поскольку тексты обладают большим количеством

черт, характерных как для регионального варианта польского языка¹, так и для белорусского диалектного языка, что мы попытаемся показать на нескольких примерах.

2. Текст из рукописи Р 97 Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси

2.1. Характеристика текста

Первый текст размещен в рукописи Р 97 Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси на стр. 18а–20а². Впервые эта рукопись упоминается в работе Антона Константиновича Антоновича (Antonowicz 1968: 136–138), датировавшего ее на основании орфографических особенностей XVIII в., однако не указавшего места ее создания. Текст, о котором идет речь, представляет собой результат многоразовой переписки. Его основная часть – диалог между Давидом и Соломоном о передаче последнему волшебного перстня.

2.2. Отклонения от польского литературного языка XVIII в. в области фонетики

Языковые особенности текста показывают стремление его создателя ориентироваться на польский язык. Явных отклонений, вызванных влиянием белорусского, в нем немного.

Так, в данном тексте последовательно представлено г-взрывное, ср., например, *jago* ‘его’ (20а 6), *gūrša* ‘хуже’ (18b 9) (бел. *горш*), *ūgan* ‘огонь’ (19b 4). Однако в слове в слове *lāncūhi* ‘цепи’ (20а 6) (ср. пол. *łańcuchy*, бел. *ланцугі*) представлен фрикативный [γ]. Предполагать именно такой характер согласного звука³ позволяет использование здесь иной буквы – ҃, при том, что в остальных случаях собственно польское [x] обозначается при помощи ҃. Следует отметить, что использование [h] вместо [g] в отдельных лексемах также характерно для виленских говоров регионального варианта польского языка (Turska 1982: 64).

Рассматриваемый текст представляет оглушение согласного в приставке – *rušpālī* ‘разожжет’, *rūštūpī* ‘растопит’ (19b 5), что, безусловно, соответствует и польской,

¹ Под региональным вариантом польского языка здесь понимается периферийный северный польский диалект, который сформировался за время долгого исторического взаимодействия языков на белорусско-литовских территориях ВКЛ, потом Речи Посполитой.

² Транслитерация (сделанная М. Тарелко), перевод на белорусский язык и анализ структуры текста представлен в статье (Kożupawa et al. 2004: 109–126).

³ В белорусском это заимствование из польского (ср. *łańcuchy*) (Martynau 1989: 227).

и белорусской фонетической норме, предполагающей ассимиляцию по глухости/звонкости, но противоречит польской орфографии, при том что гласный [o]⁴ в приставке соответствует польскому произношению и орфографической традиции. В иных же случаях оглушение согласных, например, на конце слова, в тексте не отражается, ср. *dāwid* (18b 3, 20a 4), *manžūw* (19b 1), *munž* (19b 2) и др.

Белорусской или, по крайней мере, восточнославянской, чертой можно считать передачу звуков, восходящих к *r', *rj, буквой ъ, что дает возможность представлять их звучание как [r], а не как [ž] или [š], что наблюдается в польском языке, например, *prislānam* 'присланным' (18a 11) (пол. *przysłany*, бел. *прысланым*), *dūbra* 'хорошо' (18b 9, 11; 20a 5) (пол. *dobrze*, бел. *добра*), *prabija* 'пробьет' (19b 3) (пол. *przebiję*, бел. *праб'е*), *pri* 'при' (20a 5) (пол. *przy*, бел. *пры*) и др. Однако неизвестно, как действительно произносился этот звук создателем данного текста, особенно учитывая тот факт, что в рукопись XVIII в. сам текст мог попасть из более раннего списка. Как известно, в польском языке звук [r'] уже в начале XIII в. выделяет мягкость в виде редуцированного фрикативного призвука, однако этот процесс на территории метрополии полностью завершается только в XVIII в., а в польском языке на территории Великого княжества Литовского наблюдается до Второй мировой войны (Anapjewa 1994: 106).

Что касается гласных, то в данном случае исследование затруднено способом их передачи. Как и в других арабографических текстах этого периода, славянские звуки [o] и [u] здесь передавались знаками для долгого и краткого *и*, звуки [e] и [a] – знаками для краткого и долгого *а*, а звуки [i] и [y] – знаками для долгого и краткого *і*. И хотя часто определенную последовательность можно обнаружить, ее недостаточно для твердых выводов относительно характера безударного вокализма. О качественной редукации гласного в безударной позиции можно говорить в нескольких случаях – это формы *šalamūnā* (18a 13 и далее, ср. пол. *salomona*), а также *šlūwā* 'слово' (19a 5), при том, что это форма ед. ч., а не мн., на что указывает сочетающаяся с ним как с подлежащим форма ед. ч. глагола-связки (*jaṣṭ šlūwā* 'естъ слово').

К отклонениям в области вокализма от нормы польского литературного языка, совпадающим с нормой белорусского, можно отнести форму *širej* 'шире' (19a 5) (ср. пол. *szerzej*, бел. *шырэў*). Следует также отметить, что здесь гласный [y] вместо [e] перед [r] является характерным для северных говоров регионального варианта польского языка (Turska 1982: 67).

Что касается носовых звуков, то в тексте они встречаются практически во всех возможных позициях, при этом к чертам, несвойственным польскому языку, можно отнести, пожалуй, только разложение носового гласного на группы *eN*, *oN* в позиции перед щелевыми (*sanžej* 'тяжелей' (19a 10) (пол. *ciężej*), *munž* 'муж' (19b 2) (пол. *mąż*), *menžūw* 'мужей' (пол. *mężów*), что можно объяснить белорусским и, шире, восточнославянским влиянием. Иной характер назального элемента можно было бы отметить при помощи специальной буквы ڪ (нун-сагыр, ѣ в транскрипции), как это было сделано для обозначения носового в независимой позиции на конце слова – *bandūj* 'будут' (19a 12) (пол. *będa*), *dādžūj* 'дадут' (19b 10) (пол. *dadzą*), поэтому можно предположить, что такая запись может отражать соответствующее произношение. В пользу этой гипотезы говорит то, что подобное произношение имеет место в региональном

⁴ Обозначенный в соответствии с орфографией арабографических текстов XVIII в. знаками для *и* и *й*.

варианте польского языка (Ананьева 1973: 26) и отражается в записанных латиницей польских текстах на территории Великого княжества Литовского (Kurkowa 1991: 46).

2.3. Отклонения от польского литературного языка XVIII в. в области грамматики

Влияние белорусского языка в морфологии также проявляется в отдельных позициях. Например, в форме род. пад. мн. ч. с основой на мягкий согласный *'ulūdziej* (18b 6, 19a 12) (пол. *u ludzi*, бел. *у людзей*). Такое окончание встречается и в некоторых северных говорах регионального варианта польского языка (Parszuta 1973b: 59). Также наблюдается окончание дат. пад. *-и*, характерное как для белорусского языка, так и для регионального варианта польского языка (Turska 1982: 70) – *člūwaqu* ‘человеку’ (18a 11, 19a 9) (пол. *człowiekowi*, бел. *чалавеку*), *šiniwi šālamūni* ‘сыну Соломону’ (20a 8) (пол. *synowi Salomonowi*, бел. *сыну Саламону*). Атрибуция остальных окончаний затруднена из-за характера представления безударного вокализма, о чем говорилось выше.

Одним из основных показателей белорусского влияния на большинство польских арабграфических текстов, по мнению А. К. Антоновича (Antonowicz 1968: 25), является наличие йота в окончаниях прилагательных м. р. им. пад. ед. ч. – *munāfickij* ‘живый’ (19a 7), *mūqrij* ‘мокрый’ (20a 2), *šwančij* ‘святой’ (20a 6), ср. также местоимение *qtūrij* ‘который’ (19a 1, 10). Действительно, эта особенность характерна для некоторых белорусских говоров (Awaniesau 1963: 190), а также для некоторых северных говоров регионального варианта польского языка (Parszuta 1973b: 61).

В системе глагольного словоизменения нет отклонений от польского литературного языка, хотя в тексте представлены все возможные формы из парадигмы.

Синтаксис текста также содержит следы влияния белорусского языка. Это, во-первых, использование в качестве подлежащего местоимений 3 л. в тех случаях, когда в польском языке избегаются подобные формы – *zā wšitqu tū mūcnaj 'išilnaj 'iwāžnaj 'itūcnaj jašt qtūrij musulmānin 'ālbū musulmānqa kadī 'ūni dubra dādžūš swanča jāltmužna* (19b 9–1) ‘всего мощнее, сильнее и важнее будут мусульманин или мусульманка, когда они хорошо дают святую милостыню’. Такие конструкции, возникшие под влиянием белорусского языка, характерны для северных говоров регионального варианта польского языка (Turska 1983: 21).

Еще одна характерная черта, свойственная как белорусскому языку, так и региональному варианту польского языка – отсутствие глагола-связки в составе сказуемого (Kurkowa 1982: 14): *piṭā cižilīh māšt wancaj či pūstīh wancaj 'ūdpuwādā nā tū pūstīh wancaj* (19a 10–11), ср. пол. *pyta: Czy zamieszkałych miast więcej [?] czy pustych więcej [?]? Odpowiada na to: pustych więcej [?]*

Безусловно, условием подобной элиминации связующего элемента является выраженность подлежащего, для чего и используется личное местоимение, опускаемое польским языком: *'unā gūrša zā zwarā zā gādzinā zā pša za šwinā* (18b 13), ср. пол. *ona [?] gorsza niż zwierzę, niż gadzina, niż pies, niż świnia*. В приведенном предложении также обращает на себя внимание сравнительная конструкция, характерная для белорусского языка.

3. Текст из рукописи Р 223 Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси

3.1. Характеристика текста

Для сравнения степени влияния белорусского языка на тексты, написанные по-польски, или, по крайней мере, с ориентацией на польский язык, приведем еще один текст – глоссу к аятам 250–252 второй суры Корана из тефсира, в которой речь идет о Давиде и Голиафе⁵ (Центральная научная библиотека Национальной академии наук Беларуси, сигнатура Р 223, с. 39 а–б). Орфографические особенности рукописи (регулярное использование специального обозначения гласного [o] – ǫ (вав с фатхой)) позволяют датировать ее XIX в., место происхождения рукописи неизвестно.

3.2. Отклонения от польского литературного языка XVIII в. в области фонетики

Поскольку это текст XIX в., в котором знак ǫ для гласного [o] используется уже не спорадически, а достаточно регулярно, в нем можно увидеть примеры редукции гласных в безударном положении, причем в некоторых случаях рядом с формами, где подобный процесс не отражается: *wojsqā* ‘войско’⁶ рядом с *wojsqo*, *sprabūje* ‘пробует’ (пол. *spróbuje*).

В рассматриваемом тексте имеет место только асинхроничное представление носовых гласных, есть также примеры деназализации, причем также деназализации носового переднего ряда на конце слова: *zanno* ‘со мной’ (пол. *ze mną*), любопытно также, что деназализованный гласный [o] выступает в качестве окончания глаголов I л. ед. ч. глаголов наст. времени: *bando* ‘я буду’ (пол. *będę*).

В области консонантизма в данном тексте наблюдается переход от морфологического к фонетическому принципу правописания. Так, отражается оглушение на конце слова (*sqont* ‘откуда’ (пол. *skąd*) (39b), а также ассимиляция по глухости-звонкости (*praşsarco*⁷ ‘сквозь сердце’ (пол. *przez serce*)⁸ (39b), диереза (*parši* ‘первый’ (пол. *pierwszy*)⁹ (39a)) и отпадение конечного согласного (*wiśad* ‘вышел’ (пол. *wyszedł*), *priśad*¹⁰ ‘пришел’ (пол. *przyszedł*) (39b).

⁵ Транслитерация (М. Тарелко) и перевод текста на польский язык представлены в статье (Kozupowa et al. 2005: 279–297).

⁶ Все формы, если не указано иначе, представлены на стр. 39b.

⁷ В рассмотренном выше тексте наблюдалась в некоторых приставках.

⁸ Здесь также следует сравнить с бел. *праз сэрца*, поскольку характер обозначения гласных, о котором уже говорилось выше, не позволяет с точностью определить, форма какого языка здесь представлена.

⁹ Ср., однако, бел. *першы*.

¹⁰ В тексте представлены и формы, соответствующие литературным – *priśadl* (39b).

Выше уже говорилось о том, что процесс превращения небного вибранта [r'] во фрикативный [ʒ] на периферии использования польского языка был более продолжительным, по-видимому, полностью закончившимся к середине XX в. Данный текст может быть иллюстрацией этого, поскольку здесь, кроме знака й ɨ [r] (ср. *traci* 'третий' (пол. *trzeci*), *wdar* 'ударь' (пол. *uderz*) (39b), встречаются также знаки ȳ для [ʒ] и ش для [ʃ]: *wdażił* 'ударил' (пол. *uderzył*), *wpřudi* 'впереди' (ср. пол. *wprzód*) (39b). Однако эта характеристика также может быть показателем влияния белорусского диалектного языка на идиолект составителя глоссы.

Чертой, характерной как для регионального варианта польского языка, так и для белорусского языка, является замена [v] на неслоговое [ɥ] в начале слова после конечной гласной предыдущего слова (Anapjewa 1994: 106). Как представляется, именно это явление представлено в следующих формах: *wgālūta* 'у Джалута (Голиафа)'; *tūwi ... do dāwidā wdar ti mna* 'говорит ... давиду ударь ты мне'; *wşarca wdażił* 'в сердце ударил' (39b). К чертам регионального варианта польского языка принадлежит также фонетическая форма *bārzdō* 'очень' (39b) (пол. *bardzo*), которой посвящена статья Ч. Лапича (Łapicz 1994: 171–178). Чисто белорусской же чертой, характерной для говоров на юго-востоке Беларуси является утрата начального [v] – *zol* 'он взял', причем рядом представлена правильная аналогичная форма – *wzol*¹¹ (39b) (Awaniesau 1963: 990; Awaniesau 1964: 142).

3.3. Отклонения от польского литературного языка XVIII в. в области грамматики

В области морфологии влиянием белорусских диалектов объясняется возникновение окончания *-и* у существительных в предл. пад. ед. ч. м.р. там, где в польском языке должно быть окончание *-e* ('*o gālūtu idāwidu* 'о Джалуте и Давиде') (39a), поскольку в этих диалектах она характерна для одушевленных существительных (ср. бел. диал. *аб сыну, аб брату, аб хлопцу*) (Awaniesau 1964: 158). А окончание *-от* является характерным для регионального варианта польского языка (Turska 1982: 70) (ср. в белорусском *-ам*) – *zdāwidom*. Также для этого варианта языка характерно окончание *-ej* у тех существительных, которые в литературном языке имеют окончание *-i*: *brācej* (39a) (Parszuta 1973b: 59).

Среди примеров регулярного образования вербальных форм обращают на себя внимание формы I л. ед. ч. буд. вр. с окончанием [o], о которых речь уже шла выше: *bando* 'я буду' (пол. *będę*), характерные для регионального варианта польского языка, преимущественно для островных говоров (Czyżewski 1995: 71–87).

Основной чертой, не характерной для литературного польского языка, но представленной в его региональном варианте (Kurzowa 1982: 14; Parszuta 1973a: 108), а также в языках восточнославянских, является обращение его автора с местоимениями, а именно, внесение в предложение личных местоимений и неупотребление кратких форм: *şprabūje jā znim w ita bogā* 'я попробую [побороться] с ним во имя Бога';

¹¹ С утратой назальности гласного, что характерно для польского литературного языка.

škoniŭ ti silā māš ‘откуда у тебя сила (досл. ‘откуда ты силу имеешь’; *jā zol jago zāščamki rozdārlam jago* ‘я взял его за челюсти, разорвал его’.

Кроме того, в рассматриваемом тексте встречаем поссессивную конструкцию с опущенным глаголом-связкой, характерную для восточнославянских языков: *wgālūtā wojsqa bārzdo walka* ‘у Джалута войско очень велико’ (пол. *Dżalut ma wojsko bardzo wielkie*).

К синтаксическим конструкциям, которые возникли именно под влиянием белорусского языка, можно отнести также сравнительную конструкцию – *dāwid bil mnajši zā tih* ‘Давид был меньше их’ (бел. *Давід быў меншы за іх*)¹².

4. Заключение

В начале статьи было высказано предположение о том, что тексты белорусско-литовских-польских татар следует относить к гибридным текстам. Как представляется, данные тексты подтверждают его, поскольку представленные в них отклонения от польского языка метрополии появились не только из-за того, что их создатели (переводчики?) говорили на региональном варианте польского языка, но также из-за того, что они испытывали влияние белорусского языка в его диалектной форме. В обоих текстах очевидно стремление ориентироваться на польский язык, однако в более позднем произведении отклонений от нормы наблюдается больше, несмотря на то, что само оно по объему в несколько раз меньше первого. Это позволяет с осторожностью высказать предположение о постепенном расшатывании нормы польского языка в подобных текстах, что вполне понятно и объяснимо – проживание татар в XIX в. на территории уже Российской Империи могло повлиять на престиж языка и тщательность обучения ему. Безусловно, подобное наблюдение нуждается в дополнительной проверке. Как отмечает Галина Мишкинене:

ранее языковеды делали попытки охарактеризовать языковые особенности конкретных рукописей, не проводя (по крайней мере систематически) их взаимного сопоставления, и поэтому, как правило, не шли дальше общих утверждений о смешанном характере языка татарских рукописей с преобладанием в них то белорусских, то польских языковых особенностей. При введении в научный оборот большего количества расшифрованных памятников татарской письменности и в результате их подробного текстологического анализа станет возможным более точное определение исходного славянского языка, на котором были первоначально написаны рукописи литовских татар (Miškinienė 2013: 101).

Думается, что изучение текстов белорусско-польско-литовских татар позволит проследить генезис данного языкового варианта во времени и, возможно, в пространстве и даст возможность новых интересных выводов.

¹² Ср. аналогичную конструкцию в более раннем тексте.

Библиография

- Ananjewa, Natalija Jewgienjewna 1973. „Niektoryje osobienności polskiego gowora Sielamajszegała Wilniusskiego rajona Litowskiej SSR”. W: Wiktor Władimirowicz Martynow (red.). *Polskije gowory w SSSR*. Cz. 2. Minsk: Nauka i technika.
- 1994. *Istorija i dialektologija polskiego jazyka*. Moskwa: Wydawnictwo Uniwersytetu Moskiewskiego.
- Antonowicz, Anton Konstantinowicz 1968. *Bielorusskije tieksty, pisannyje arabskim pis'mom, i ich grafiko-orfograficzeskaja sistiema*. Wilno: WGU.
- Awaniesau, Rubien Iwanawicz (red.) 1963. *Dyjalektalacizny atlas bielaruskaj mowy*. Nr 10. Minsk: Wydawnictwa Akademii nauk BSSR.
- (red.) 1964. *Narysy pa bielaruskaj dyjalektalohii*. Minsk: Nauka i technika.
- Czyżewski, Feliks 1995. „Uwagi o gwarze osady Widze koło Brasławia na Białorusi”. W: Janusz Rieger (red.). *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 8. Warszawa: Semper.
- Drozd, Andrzej 2000. „Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.). Zarys problematyki”. W: Andrzej Drozd [&] Marek Dziekan [&] Tadeusz Majda. *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich*. T. 3. Warszawa: Res Publica Multie-thnica.
- Kożynowa, Ała [&] Michaił Tarełka 2004. „Niewiadomy pomnik literatury białoruska-litowskich tatarau”. *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra* 53(2): 109–126.
- Kożynowa, Ała [&] Michaił Tarełko 2005. „Teksty polskie muzułmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego z końca XVIII – początku XIX wieku jako źródło do badań nad polszczyzną kresową”. W: Janusz Rieger (red.). *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 11: *Dawna i współczesna polszczyzna na kresach*. Warszawa: Semper.
- Kurzowa, Zofia 1982. „Język polski na kresach północno-wschodnich”. W: Janusz Rieger [&] Władysław Werenicz (red.). *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- 1991. „Z badań nad polszczyzną północnokresową XVII i XVIII w.”. W: Janusz Rieger [&] Władysław Werenicz (red.). *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 6. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Łapicz, Czesław 1994. „Polsko-białoruskie związki językowe w piśmiennictwie muzułmanów litewskich (na przykładzie form barzdo, borzdo „bardzo, prędko”)”. W: Janusz Rieger (red.). *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 7. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Martynau, Wiktar Uładzimirawicz (red.) 1989. *Etymologiczny słownik belaruskaj mowy*. T. 5. Minsk: Nauka i technika.
- Miśkiniene, Galina 2005. „Oczerk istorii i kultury litowskich tatar”. *Diaspory* 2: 40–61.
- 2012. „Sławianskaja arabskoalfawitnaja pis'miennost' litowskich tatar”. W: Enes Duraković (red.). *Bosanskohercegovački slavistički kongres*. Zbornik radova. kn. 2. Sarajevo: Slavistički komitet.
- 2013. „O tiekstołogii rukopisnych kitabow litowskich tatar: legenda Miradž”. *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra* 58(2): 99–117.
- Parszuta, Juziefa Michajłowna 1973a. „Głogoł w polskoj rieczci żytielej dieriewni Darwinijeki Madonskiego rajona Łatwijskiej SSR”. W: Wiktor Władimirowicz Martynow (red.). *Polskije gowory w SSSR*. Cz. 2. Minsk: Nauka i technika.
- 1973b. „Statisticzskoje opisanije morfołogii polskoj rieczci żytielej dieriewni Darwinijeki Madonskiego rajona Łatwijskiej SSR”. W: Wiktor Władimirowicz Martynow (red.). *Polskije gowory w SSSR*. Cz. 1. Minsk: Nauka i technika.

- Turska, Halina 1982. „O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie”. W: Janusz Rieger [&] Wiaczesław Werenicz (red.). *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- 1983. „Język polski na Wileńszczyźnie”. W: Janusz Rieger [&] Wiaczesław Werenicz (red.). *Studia nad polszczyzną kresową*. T. 2. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Uspienski, Boris Andriejewicz 2002. *Istorija ruskogo literaturnogo jazyka*. Moskwa: Aspekt Press.
- Żywow, Wiktor Markowicz 1996. *Jazyk i kultura w Rossii XVIII wieka*. Moskwa: Szkoła „Jazyki ruskoj kultury”.